

УДК 947(470.11) + 39(470.11)
DOI: 10.17223/19988613/75/19

А.Б. Пермиловская

КРЕСТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛАНДШАФТЕ РУССКОГО СЕВЕРА

*Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме № 122011300471-0
«Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе
исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».*

На основе полевых, архивных и музейных источников проанализировано значение деревянных крестов в севернорусской традиционной культуре. Цель исследования – определение значения креста как одного из главных символов православия в культурном ландшафте северных и арктических территорий. Доказано, что в Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссии.

Ключевые слова: традиционная культура, культурный ландшафт, деревянный крест, Русский Север, Арктика

В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий – это не только устойчивое понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Это регион, который занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. Работа опирается на архивные, музейные источники, полевые материалы. В течение длительного времени автор исследовала исторические поселения, культурные ландшафты, памятники деревянного зодчества. В ходе изучения установлено, что особенности культуры Русского Севера – это результат проявления в ней русского хронотопа: смыслового единства времени и пространства, в качестве предметного воплощения которого выступает культурный ландшафт северной деревни. На Севере именно природный ландшафт определил направление колонизационных потоков, тип расселения, планировку поселений. Предпочтение отдавалось рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края, поэтому в севернорусской ономастике доминируют речные наименования: двиняне, пинежане, вожане, пажемцы, кулойцы, мезена, кокшары.

Детально изучавшийся сельский культурный ландшафт – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. Для Русского Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что привело к созданию определенных архитектурно-природных ансамблей [1].

Данная работа посвящена изучению деревянных (обетных) крестов, которые являются произведениями деревянного зодчества и народного искусства [2–4], историческими (ставрографическими) [3–8] и этнографическими [9–12] источниками. Традиция постановки деревянных крестов как самостоятельных сакральных (впоследствии культурных) объектов в России существовала с древних времен. Исторические документы хранят сведения о деревянных крестах XI–XV вв. Одним из ранних упоминаний о постановке деревянного

памятного креста на горах Киевских апостолом Андреем является предание «Повести временных лет». «В Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи это событие изображено так: святой апостол держит вставленный в землю большой восьмиконечный крест, возле стоит человек с лопатой» [13. С. 11].

К 1238 году относится Игнач крест, стоявший в 100 верстах от Новгорода. Это то место, откуда монголо-татарская орда под предводительством Батыя шла в сторону Новгорода и повернула назад, не подвергнув разорению Новгородские земли [13. С. 12; 14]. По мнению А.Л. Потравнова, в тексте Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов «Игнач крест упоминается исключительно как хорошо известный для путешественников Селигерским путем – ориентир, до которого дошли татары: “Тогда же гонящиеся оканнии безбожники от Тожку Серигерским путем и до Игнач креста, а все люди секуще, акы траву, за 100 верст до Новаграда не дошел”. В летописи не указано, каменный это был крест или деревянный» [15. С. 263–264; 16. С. 289].

На Русском Севере крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в культурном ландшафте защитную и сакральную миссии.

Один из самых древних и известных – Людогощинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде (рис. 1). Крест выполнен древнерусским мастером Яковом Федосовым в 1359 г. по заказу жителей Людогощей (Легощей) улицы Великого Новгорода для стоявшей на этой улице церкви Фрола и Лавра. Крест был установлен 12 июня 1359 г., об этом свидетельствует надпись в его основании: «В лета 6867 (1359) июня 12 дня поставлен бысть сей крест... Господи помилуй всех христиан, на всяком месте молящихся тебе верою и чистым сердцем... Помози поставившим крест сей людогощичам и мне написавшему...». Имя мастера было зашифровано: использовалась цифровая тайнопись – сложение цифровых значений букв. Шифр удалось разгадать академику Б.А. Рыбакову [17]. Людогощинский крест – это «закладной»,

или «поклонный», крест. Размеры креста: $230 \times 187 \times 19$ см. В центре – Распятие. На кресте иконки с наиболее популярными святыми, всего 17 сюжетов. Крест получил название от улицы Людогощей в Великом Новгороде, жители которой взывают к Спасителю о помиловании и помощи. Видимо, произошло что-то тяжкое, возможно, повальная болезнь.

Сама форма – «крест в круге» – христианский символ веры, спасающий мир. Крест напоминает фантастический цветок, в котором растительные побеги сочетаются с трилистниками, плетенками, крестами.

Одним из важнейших символов христианства и других древних культур и религий был крест, вписанный в круг. В традиционной культуре Руси и Русского Севера известен обычай – кланяться на все четыре стороны, а в случае опасности очерчивать себя кругом и осенять крестом. Людогощинский крест – редчайшее и неповторимое произведение древнерусского искусства, выполненное в дереве и, несмотря на недолговечность материала, дошедшее до наших дней. В настоящее время находится в экспозиции Новгородского музея-заповедника.

Рис. 1 Людогощинский крест, Великий Новгород, 1359. Из архива автора

На Русском Севере получил известность крест, поставленный в 1694 г. царем Петром I в Унской губе на побережье Белого моря при посещении Соловецкого монастыря – в знак спасения во время бури 2 июня 1694 г. Этот уникальный памятник истории несколько раз менял свое местоположение. В настоящее время крест находится в Архангельском краеведческом музее.

Предпринимая этот краткий экскурс к наиболее древним, известным и почитаемым крестам, хочу подчеркнуть важность данного вопроса. Деревянные кресты, так же как церковь, часовня, изба, икона, всегда сопутствовали жизни русского и северного человека. Крест как один из ключевых символов православной культуры являлся обязательным компонентом природно-культурного и сакрального ландшафта Русского Севера и Арктики. Процесс духовного освоения просторов Севера заключался в пространственно-временном развертывании образа Креста, который, обрастая различными архитектурными и художественными деталями, последовательно претворялся в более сложные сакральные объекты: часовню, храм. Русские землепроходцы, осваивавшие пространства Севера, на местах новых поселений устанавливали большой деревянный крест, иногда вместе с иконой на нем.

В других случаях вместо креста ставили столб основания деревни, но с обязательной иконой и небольшим литым крестом на его лицевой стороне. Такой знак поселения зафиксирован в мезенских деревнях. Например, столб основания д. Березник Лешуконского района (1879), в настоящее время памятник музея деревянного зодчества «Малые Корелы» [18. С. 16–17].

Для защиты от дождя и снега над крестом делали дощатый футляр, являлось нечто вроде часовни. С увеличением населения, а также в память о каком-либо событии жители строили настоящую часовню. По прошествии времени на месте часовни или рядом с ней возводился храм. Однако отношения между элементами священной триады характеризуются не только переходом от простого к сложному, но и обратным процессом: свертывания пространства к своему духовному центру – первообразу [19. С. 56]. На месте разрушенных церквей устанавливаются кресты, чтобы в будущем воздвигнуть храм.

Деревянные кресты – это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники христианского искусства, архитектуры, скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов (жителей побережья Белого моря), которые были нанесены на лоцманские карты. И хотя невелики они в сравнении с церковью или колокольной, велика сила их эмоционального воздействия на человека. Кресты, которые известны и сохранились на Русском Севере до настоящего времени, можно датировать в целом XIX – первой половиной XX в. Значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах Мезени, Пинеги, на Каргополье.

В 1982–1987 гг. экспедициями Института истории материальной культуры РАН и Архангельского краеведческого музея были проведены работы по обследо-

ванию сохранившихся старинных крестов побережья Белого и Баренцева морей. Всего зафиксировано около 90 крестов [20. С. 26–27]. В 1988–2002 гг. экспедициями музея деревянного зодчества «Малые Корелы» проведены обследования и обмеры в Мезенском, Лешуконском, Приморском районах Архангельской области [21–24].

В 2004–2008 гг. автором обследованы и обмерены кресты Мезени и с. Кимжа [1, 4]. В архитектурном отношении на Русском Севере кресты часто располагались под специальным навесом на столбах, установленных по его контуру. Также они могли находиться в храмах, часовнях, специально построенных часовнях-амбарах, реликвиях (футлярах) для их хранения [25. С. 52–53].

Деревянные кресты часто называли обетными, хотя значение и случаи, по которым они ставились, гораздо шире. Они могли действительно возводиться по обету – это своего рода благодарность Богу. По рассказам моряков, в опасные для жизни моменты, выйдя на берег живыми, они ставили обетный крест на берегу моря, или в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Этот суровый поморский обычай, связанный с особыми условиями жизни и труда, нашел отражение в поговорке: «*Кто на море не бывал, тот Бога не маливал*». Другим поводом для возведения обетных крестов служили болезни, чаще детские. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце.

Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты Мезени и Поморья украшались также фартуками, шелковыми платками, куклами, сюда клали деньги. При этом чем тяжелее болезнь или серьезней опасность, от которой удалось избавиться, тем длиннее отрез дарственной материи. На Мезени существовали наиболее почитаемые кресты, к которым ездили за многие километры из других деревень. Характерно расположение этих крестов на высоком берегу реки (Кимженский крест) [1. С. 201–202], в роще над рекой (Родомский крест), при слиянии двух рек (крест в Режи) [26. С. 129]. Типологически деревянные кресты можно отнести к следующим группам, учитывая роль, которую они выполняли: поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные.

Местоположение деревянных крестов могло быть следующим: на месте сгоревшей церкви, при дорогах, у часовни или внутри культовых построек, около источника, за деревней, на скотном выгоне, в лесу, на берегу реки, на возвышенном месте, на мысе, среди пахотных полей, в усадьбах крестьян, при въезде в село, на перекрестке дорог, на берегу моря. Деревянные кресты играют большую роль в культурном ландшафте и ансамбле северной деревни, являются памятниками архитектуры, в которых в миниатюре повторяются все элементы плотницкого мастерства и декоративного убранства, присущие деревянному зодчеству. Иногда их устанавливали посередине небольшой деревенской площади так, чтобы они были видны из окон окружающих домов (д. Кольшин, Лешуконский район).

Независимо от скромности или богатства их облика, они украшались с тем же тактом и пониманием свойств материала, что и наружные детали крестьянских построек. Для предохранения от дождя и снега над крестами делали двухскатную кровлю с миниатюрным охлупнем и резными причелинами. Крыши, если они большие, опирались по краям на столбы, врытые в землю или укрепленные в низком, в 2–3 венца, срубе. Получалась открытая часовня. Такие крест-часовни до недавнего времени сохранялись в Заостровском приходе Приморского района, часть из них имела форму ротонды. Обследование и обмеры крестов были проведены автором и архитектором Н.А. Подобиной в 1988–1989 [22, 27], 2018 гг.

Особой группой на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Специфика жизни и промысловой деятельности, судостроения, мореплавания, лоцманского дела, свободная торговля со Скандинавией, наличие «руссенорск» (норв. *Russenorsk*), или «Моя-по-твоя» (норв. *Moja på tvoja*), – смешанного русско-норвежского языка (один из примеров пиджина), обслуживавшего общение поморских и норвежских торговцев на северном побережье Норвегии, стойкие традиции старообрядчества оказали влияние на уклад жизни поморов.

В XVIII–XIX вв. архипелаг Шпицберген (норв. *Svalbard* / *Свальбард*, поморское название *Грумант*) был традиционным местом морских промыслов. По исследованиям Т.С. Минаевой, научными экспедициями здесь было зафиксировано 43–46 деревянных крестов высотой от 4 до 6 м. В настоящее время два креста находятся на о. Северо-Восточная Земля, третий – в экспозиции музея г. Лонгйир, административном центре норвежской провинции Свальбард [28. С. 95–96]. Постоянные опасности, тяжелые условия жизни и промысла способствовали особому напряжению религиозного чувства и потребностью обращаться к Богу с молитвой о помощи и защите. Кресты использовались для символического структурирования территории и выделения в ней мест с сакральным смысловым наполнением.

Поморские кресты служили навигационными знаками. «На Севере часто вместо морских знаков ставят кресты, обозначая этим места, удобные для стоянки судов. И сюда, если застигнет буря, идут, не боясь ни мелей, ни камней: значит, вход безопасный и есть где укрыться» – так описывал художник А.А. Борисов, совершивший путешествие по Большеземельской и Малоземельской тундрам и на острове Вайгач, места постановки арктических крестов [29. С. 88]. Сведения о крестах содержатся в лоциях, которыми пользовались мореходы. В поморской лоции XVIII в. встречаются такие описания: «Святой Нос, на коем много крестов», «В реке Коле, на левой руке на наволоке крест». На Мурмане кресты и каменные груды (кеккуры, или гурии) ставили промышленники у своих становищ, они служили ориентирами и маяками [30. С. 60; 31. С. 206].

Таковыми же ориентирами служили храмы; в старых поморских лоциях встречаются указания – как держать курс, ориентируясь на створ (линию) береговых

церквей. С открытой площадки звона колокольни можно было видеть море, а это так важно, когда ждут возвращения рыбаков с промысла. Церковь была ориентиром для тех, кто подплывал к селу по реке.

Поморы ставили кресты на дальних становищах и в арктических зимовьях с целью подать весть о себе в случае гибели. Такие кресты поведали миру не одну трагедию, постигшую людей в ледяных просторах Севера. Иногда о гибели людей узнавали спустя много лет. В июле 1911 г. В.А. Русанов обнаружил на Новой Земле старинное русское промысловое становище, возле которого лежали черепа и другие человеческие останки. Поблизости находилось три сильно наклонившихся креста, на которых оставались следы больших, глубоко вырезанных славянских букв. Но надписи уже нельзя было прочесть: полярные ветры и снежные выюги иссекли дерево и стерли имена погибших. У писателя Бориса Шергина есть рассказ-быль, основанный на реальных событиях о мезенских братьях Личутиных, попавших в бедствие при возвращении с промысла осенью 1857 г. Волею судьбы оказались они на крохотном каменном острове посреди моря без карбаса и провизии. Но не пали духом перед лицом неминуемой смерти. Один брат стал вырезать на столешнице, оказавшейся на острове и послужившей предсмертным надгробием, узор, а второй стих написал о последних днях жизни [32. С. 52].

Кресты с надписями о пребывании в том или ином месте поморы ставили во время вынужденной остановки (иногда длительной) из-за непогоды, в ожидании попутного ветра или из-за поломки судна. Чаще всего кресты такого рода ставили на острове Сосновце, лежащем на главном морском пути между Мурманом и Поморьем. Голландцы в конце XVI в. называли Сосновец Крестовым островом. В пустынных местах кресты заменяли морякам часовню [30. С. 60].

Особое значение обетные кресты приобретали в условиях кризиса, связанного с морским промыслом. «Женщины, получившие известие, что жизнь близких находится под угрозой, просили помощи у крестов. “Вот, так долго нету с морюшка – с путинушки, рыбаков, ну и старушки идут на поклонный крест. Просят прощенья, и просят, чтобы Господь вернул им рыбаков. У каждой родни, у каждого рода был старейшина, у которого что-то случилось” (к нему обращался)» [33. С. 25]. Е.В. Самойлова рассматривает обетные (вотивные) приношения как гендерный маркер. Женские приношения на крестах – «следы» женских ритуальных практик, свидетельствуют об использовании сакрального объекта женской группой. Кресты, «подконтрольные» мужской группе, расположены вдалеке от селений, на островах и побережье Белого моря. Они, как правило, «голые. С пеленами – только когда народ ходит. А тут, ты рыбак... подошел к кресту, перекрестился» [Там же. С. 33–34]. Этого же мнения придерживается П.А. Филин, отмечая, что «...промысловых крестов не коснулся распространенный обычай привязывания к крестам полос материи или вышитых полотенец» [34. С. 171].

Автором были зафиксированы кресты в поморских усадьбах на побережье Белого моря: около дома

Ф. Латкина, д. Нижняя Золотица, Приморский район, конец XIX в. Самым примечательным в облике этого креста, кроме, безусловно, общих художественных достоинств, является вынесение орудий казни Господней – трости и копья – с поверхности бруса, как это делается традиционно, за его пределы. Орудия казни, так же как и сам крест, выполнены профессионально

и хорошо сочетаются с архитектурно-художественным обликом памятника в целом. Поверхность креста покрывают криптограммы и начальные слова молитвы кресту.

Крест в другой усадьбе – С. Шумилова, д. Верхняя Золотица (конец XIX века) был поставлен на удачный промысел тюленя [23] (рис. 2).

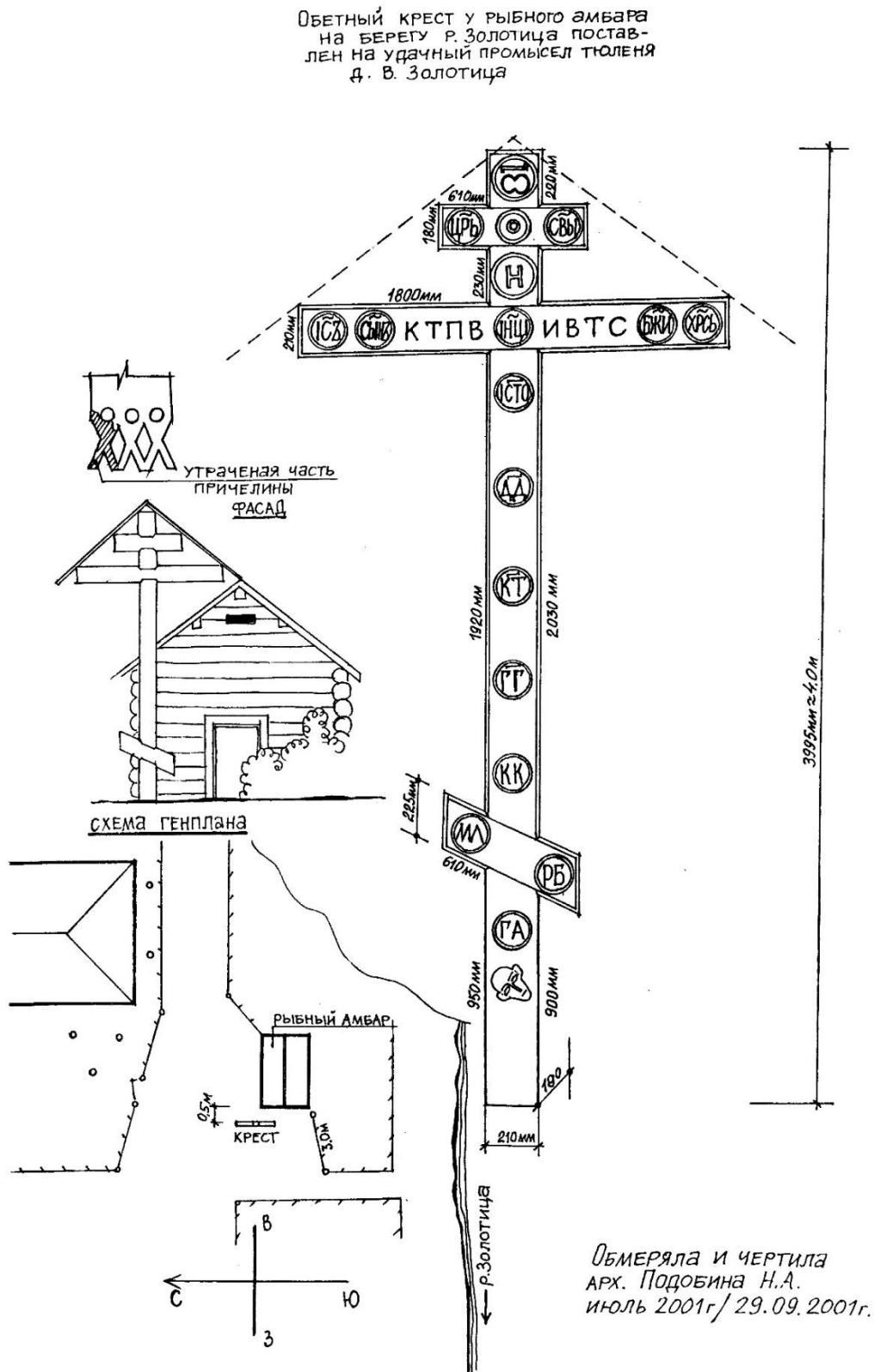

Рис. 2. Крест на удачный промысел тюленя, д. Верхняя Золотица, Приморский р-н, конец XIX в. Обмеры Н. Подобиной

Традиция постановки крестов продолжается. В течение последних 20 лет работы кресторезной мастерской Соловецкого монастыря было установлено 25 крестов высотой 6–12 м. Символом единения религиозного и морского знака служит один из двух существующих в России храмов-маяков – церковь Вознесения (1862) на Секирной горе на Большом Соловецком острове.

«Во многих культурно-исторических традициях крест символизирует жизнь, плодородие, бессмертие, дух и материю в их единстве, активное мужское начало; с крестом связывается идея процветания, удачи. Это позволяет объяснить ту важную роль, которую играет крест в ритуале и ритуализированном поведении, в магии, народной медицине, гаданиях, волшебстве, в архаичном искусстве и в быту» [35. С. 12–13]. В качестве примера приведем обряд «молебного пива», который проходил в часовнях, трапезных церквей и у обетных крестов.

В.Б. Панченко ввела в научный оборот деревянные кресты Нижнего Поволжья, традиция установки которых была распространена в округе Старой Ладogi в XVII – первой половине XVIII века. Три сохранившихся памятника находятся в фондах Староладожского музея-заповедника, 27 фото из архивов Российского этнографического музея и Института истории материальной культуры РАН (авторы Н.И. Репников и В.М. Машечкин) несохранившихся крестов начала XX в. опубликованы в форме каталога [36]. Староладожские «кресты XVII века были в основном именными и устанавливались как простыми деревенскими жителями, так и лицами, занимающими высокое общественное положение. На них указывалась причина установки – обещание... праздновать важные для деревни “заветные” церковные праздники» [Там же. С. 21]. Это – подлинные произведения деревянного зодчества и искусной художественной резьбы. Вероятно, памятники принадлежали одной художественной школе и кресторезной мастерской, – вопрос, который требует специального изучения.

Самый ранний из сохранившихся крестов находился в д. Межумошье, в настоящее время экспонат Староладожского музея-заповедника (инв. № СЛМ КП-94463/Ц-501; размер: 215 × 159 см). Он был «поставлен на поклонение православным христианам повелением рабов Божиих Матвея с братию и Севастьяна Межумоских» с предписанием праздновать праздники св. Георгию и сщмч. Флору и Лавру [37. С. 354].

В связи с контекстом данной работы интересно привести обряды, проводимые у этих крестов, отражающие традиции народного православия, заинтересовавшие Следственную комиссию Святейшего Правительственного Синода, материалы о которых были опубликованы А.С. Лавровым. В 1730-х гг. в деревнях Ямбургского и Копорского уездов Санкт-Петербургской губернии – на территориях, разоренных смутой, а после Столбовского мира отошедших к Швеции, – у деревянных крестов совершались архаичные обряды, соотносимые с братчиной в православных храмах и часовнях. В праздники Флора и Лавра, Петра и Павла, пророка Ильи и Архангела Михаила местные жители у креста ставили икону, свечи, молились, а затем по-

ливали крест каждый своим пивом и клали часть приготовленной еды. Участвовали в этом только мужчины одной определенной деревни. На допросе крестьяне показали, что «и деды и отцы их так творили, чая себе от Бога милости». Эти обряды появились вместо отсутствовавших церковных обрядов, когда православное население было лишено священника и отрезано от митрополии [37. С. 361, 38. С. 133–144].

В русском православии получили распространение четырехконечные, шестиконечные и восьмиконечные кресты. Восьмиконечный крест был известен с VI в., задолго до раскола христианской церкви на католиков и православных. Он использовался в византийской фресковой живописи и декоративно-прикладном искусстве. В 1551 г., во время канонической изоляции Русской православной церкви, по инициативе Ивана Грозного этот тип креста стал широко воздвигаться на куполах русских церквей, использоваться в российской государственной и военной символике. Впоследствии данный образ православного креста выступал как отличительная особенность культурного и са-крального ландшафта России.

Характерным для восьмиконечного креста является наличие нижней косой перекладины (подножия), помимо двух верхних горизонтальных: верхней, меньшей, и средней, большей. По преданию, при распятии Христа над крестом прибили табличку на трех языках (греческом, латинском и арамейском) с надписью: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский». Под ноги Христа была прибита перекладина.

На Русском Севере получил распространение восьмиконечный крест, считавшийся также и старообрядческим. Подобные кресты были как на храмах, так и отдельно стоящими. Вертикальный основной брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста – восьмой конец – заключался в сруб, укрепленный изнутри и снаружи камнями. Строители церковных крестов высоко чтит церковные каноны, соблюдали принятые пропорции, обязательно украшали крест резьбой. В качестве надписей использовались изречения из Евангелия, целые предложения или их части, записанные с помощью сокращений и определенных символов – криптограмм. Они создают облик таинственности, святости и неповторимости креста. Украшение же креста письменами и орнаментами – это не только исполнение общепринятого канона, но и способ выражения мыслей и чувств, форма обращения к Богу, к предкам и потомкам. Вероятно, в этом и состоит основное предназначение креста, его необычайная привлекательность и ценность.

В XIX в. на Мезени было налажено ремесленное производство деревянных крестов. По полевым исследованиям были установлены центры их изготовления – деревни Нисогора и Кельчемгора бывшей Юромской волости Мезенского уезда. После изготовления кресты сплавлялись по реке Мезень к местам назначения. В д. Кельчемгора (Заозерье) в конце XIX – середине XX в. работали резчики: отец – Иван Кузьмич, и сын – Михаил Иванович Орловы [24, 39–42]. И.К. Орлов – резчик и крестьянский художник, автор росписей из-

вестного дома В.Я. Клокотова (в настоящее время памятник музея «Малые Корелы»), свое мастерство он передал сыну, который расписывал интерьеры домов, крестьянскую утварь. Он резал также обетные и кладбищенские кресты, часть из них сохранилась на кладбище д. Заозерья.

Один из известных – крест из д. Кельчемгора Мезенского района конца XIX в. (рис. 3). Крест классический для Русского Севера, восьмиконечный, с двух-

скатной кровлей, украшенной резными причелинами. В центре вырезано распятие. Фигура Иисуса Христа изображена анатомически точно с крестьянской основательностью и непосредственностью. Лицо с крупными чертами, волосы, спадающие большими прядями на плечи, помогают создать образ суровый, полный внутренней силы и значительности. По художественным достоинствам это – один из лучших мезенских крестов. Его высота 3,88 м.

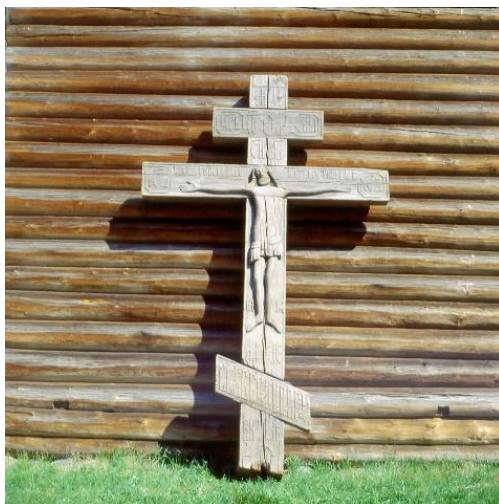

Рис. 3. Обетный крест, д. Кельчемгора, Лешуконский р-н, конец XIX в. Фото автора

Рис. 4. Крест в поле у семейных угодий, с. Кимжа, Мезенский р-н, начало XX в. Фото автора

Уникальное историческое поселение Кимжа (Мезенский район, Архангельская область) обладает одним из наиболее архаичных сельских архитектурных комплексов России. Здесь сохранилась традиционная планировка поселения, народная архитектура XVIII–XX вв.: Одигитриевская церковь (1709), крестьянские дома, амбары, бани, ветряные мельницы, обетные и кладбищенские кресты [1]. Всего было выявлено и обследовано около 20 крестов, часть из них обмерена.

В Кимже существовал обычай хоронить умерших рядом с домом, гумном, овином, амбаром, за околницей, у мельниц. Это был своеобразный языческий оберег, удаленный от больших дорог Кимжи, от невзгод, неурожая, опасностей. Подтверждением этому служат просьбы жителей похоронить их рядом с собственным полем, дорогой к земельным угодьям (рис. 4).

Например, отец Татьяны Андреевны Паюсовой – Андрей Никонорович Воронухин – по его завещанию похоронен «*напротив своих родителей 1959 года*», рядом с семейным наделом: «*Похороните меня рядом с полем, я всю семью охранять буду*». «*В наше поле положите, я хочу на своем поле лежать*». Захоронение на земельных семейных наделах местные жители объясняют так: «*Гумна были в полях – на чищенках (расчищенный участок под поле), работаешь или идешь*

мимо – лишний раз помянешь, от дела не отрываясь». «*Кладбище было у каждого дома и у каждой семьи были семейные кладбища в Белой Виске*» [43].

Кресты в Кимже часто строились из лиственницы, местоположение их было различным: в усадьбе, на дорожке, позади дома, в полях, около часовен. Иногда их ставили на «переду» дома, около «святого» угла. «*Ответные кресты ставили из лиственницы, ставили их на праздник, на Прокопьев день, кто родился – ставили крест, тот крест хранили и затем увозили на кладбище. Ставили на главном фасаде, посредине дома*» [44].

На Мезени и в Кимже зафиксирован интересный обычай – постановка фамильных крестов и их наследование. Первоначально кимженские крестьяне заказывали кресты и ставили их около домов в усадьбах. Кресты при этом выполняли охранительные и обетные функции. Иногда они просто хранились в хозяйственной части дома, на повети. Затем от дома вслед за хозяином они переносились на кладбище: «*Крест стоял у дома, когда хозяйка умерла, его поставили на ее могилу*». В этом случае на готовом кресте вырезали даты жизни и смерти и указывали, кого он сопровождает в последний путь. Позднее к таким крестам крепили фотографию, сделанную на керамической табличке, или металлическую пластину с надписью.

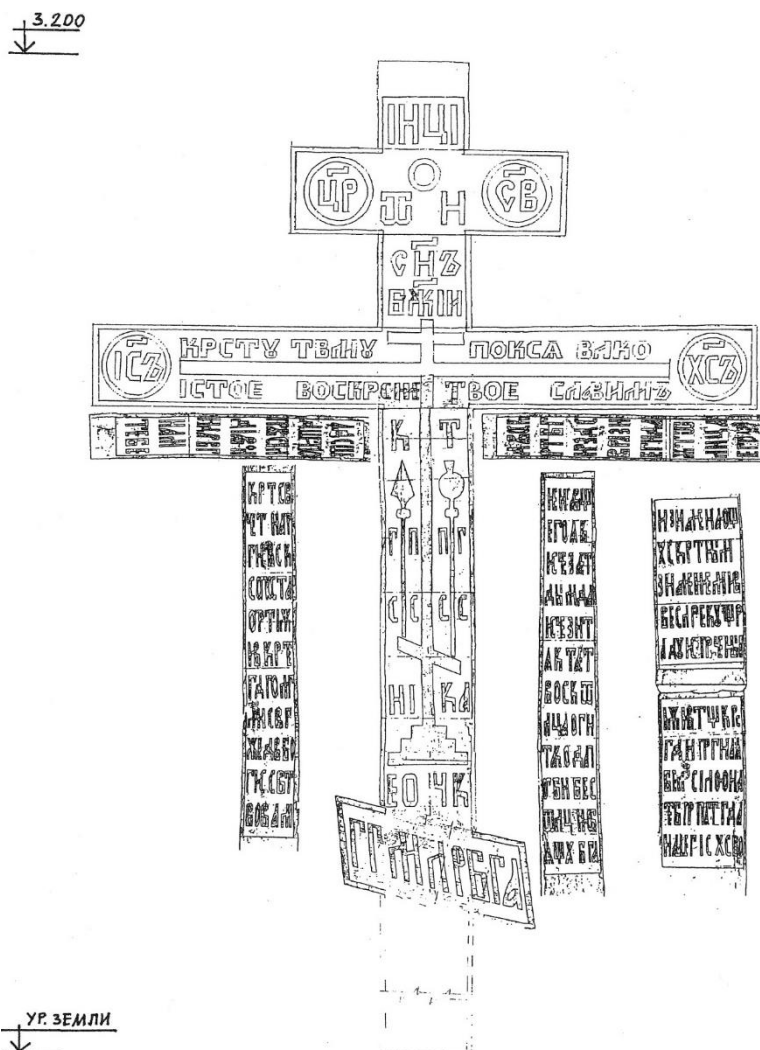

Рис. 5. Фамильный крест Немнюгиных, с. Кимжа, конец XIX в. Обмеры Н. Подобиной

Мезенские обетные и кладбищенские кресты по конструктивным и декоративным особенностям очень похожи. Подобные кресты находятся на месте массовых захоронений кимжан конца XIX – первой половины XX века, в Белой Виске и на Старом кладбище. Белая Виска – место массовых захоронений жителей деревни, оно не является кладбищем в традиционном понимании. Это объединение на одной территории земельных семейных угодий, здесь находились поля, овины, гумна и рядом – фамильные захоронения.

«Гумна были в полях – тут своих хоронили, близких. Мимо идешь и – помянешь. Помню в детстве, пришли как-то с папой ко кресту. Папа, что говорить? – “Читай, что на кресте написано, то и говори”. А на кресте написано: “Кресту твоему поклоняемся Владыко, Святое Воскресение твое славим. Аминь”. Кладбище сделали позже» [43]. «Раньше ячмень сеял, и у каждого свой овин был и гумно. И у этих овинов, кто свои умирал – хоронили, у своих овинов – родственников хоронили. Овины были за деревней. Потом – поля. А нынче и не пахется, все заросло, вот-так» [45].

Уникальный крест находится на кладбище в Белой Виске. Вся поверхность памятника покрыта резьбой. Текст молитвы, криптограммы покрывают заднюю часть креста, а также боковые стороны центральной и поперечной перекладин. На лицевой стороне маска смерти – голова Адама в виде солнца. Вероятнее всего, это обетный крест, стоявший ранее в другом месте, например в усадьбе, позднее перенесенный на кладбище. В ходе полевых исследований удалось установить, что этот крест принадлежал семье Немнюгиных. Он был центральным в семейном захоронении семьи, около него расположены пять могил (рис. 5).

На кладбище в Белой Виске выделяется семейное захоронение Окуловых периода 40–50 гг. XX в. Место крестов здесь намогильные столбики. Возможно, семья или ее глава был партийным работником, или это период активного периода запрещения поправки на кладбищах православных крестов.

В Кимже сохранилось два сакральных места, одно из них в районе кладбища в Белой Виске на Чертовом ручье. Для нейтрализации нечистого места рядом с многоствольной елью поставлен крест. *«Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то дьявольщина выделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест» [46. С. 154–155].*

Другое сакральное и особо почитаемое место находится в Заборе, на берегу р. Мезень, в 1,5 км от с. Кимжа. Здесь в 1887 г. купцом Савиным поставлен обетный крест *«в память о спасении от утопления в р. Мезени»*. Это характерный для Русского Севера восьмиконечный крест, высота 4,55 м. Вертикальный основной брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста выполнено из цельного толстого бревна, обтесанного с четырех сторон. На кресте резное распятие, вверху – медный литой крест и оклад для несохранившейся иконы (рис. 6, 7). На центральной перекладине традиционные слова молитвы: *«Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и Свя-*

тое Воскресение твое славим». На обратной стороне большого перекрестия надпись: *«Изображение Воскресения молитвы»*. Поверхность креста покрыта криптограммами и словами молитвы. Вокруг особо почитаемого креста сделана ограда, внутри нее две скамейки. Свечи ставятся в металлический ящик, защищенный от ветра закрывающейся створкой.

После установления советской власти постройка крестов была запрещена, но кимженские крестьяне хранили их, прятали в хозяйственной части дома, а затем переносили на кладбище. Обетные кресты подвергались уничтожению и поруганию. Народный рассказ о поругании обетного креста в Заборе записан в 2006 г.: *«Это было году в 1937–1939. Летом пришла баржа с Усть-Вашки с лесом. Мужики пошли этот лес катать, за поясом они носили топоры. И один из мужчин – партийный работник – ступил на нижнюю перекладину креста и топором отрубил голову и посек руки Иисусу Христу. Голову бросил наотмашь в реку. А мы были детьми, увидели это – и побежали в деревню, сказали старикам. Один из них, Паюсов Александр Максимович, был очень набожный, он побежал на это место, подобрал из реки голову Иисуса Христа и приколотил ее обратно к кресту. А руки так и остались посечены» [47].*

С особой почитательностью кимженскому кресту поклоняются и в настоящее время. Подтверждением этому служит традиция ежегодно на Пасху шить рубашку из белого полотна с вышитым крестом посередине и надевать ее на крест. Прихожане несут к святому месту приношения: деньги, конфеты, свечи, детские игрушки, отрезки материи, платки. *«Овящаются – те, у кого что болит»*.

В 2000 г. в Мезенском секторе музея «Малые Корелы» на высоком естественном угоре р. Корелки был установлен и освящен обетный крест, аналогом которого послужил крест д. Козьмогородская Мезенского района (авторы проекта поправки креста – А.Б. Пермиловская, Н.А. Подобина, резчик В.Д. Лютиков). Мезенская деревня в музее под открытым небом является удачным примером реконструкции культурного ландшафта сельских исторических поселений, которые в естественной среде расположены по высокому берегу р. Мезень. Крест, сооруженный в 1899 г., ранее стоял на берегу реки Мезень в усадьбе И.С. Яшина. Он представляет собой типичный образец мезенского обетного креста. Это восьмиконечный крест, выполненный из четырехгранных брусьев, в основании которого цельный ствол лиственницы. В центре вырезаны орудия казни Иисуса Христа – крест, копье и трость, внизу – голова Адама. Сверху крест перекрыт кровлей на два ската, ее украшают причелины. На большом перекрестии – начало молитвы *«тохвала честному кресту»*. На лицевой и боковой сторонах креста вырезаны криптограммы. Высота креста 4,45 м, с подземной частью 6 м.

Экспозиция музея под открытым небом дает возможность моделировать культурный ландшафт и располагать памятники народного зодчества, в том числе обетные кресты, в природном естественном окружении [48].

Рис. 6. Крест, с. Кимжа, Мезенский р-н, 1887. Фото автора

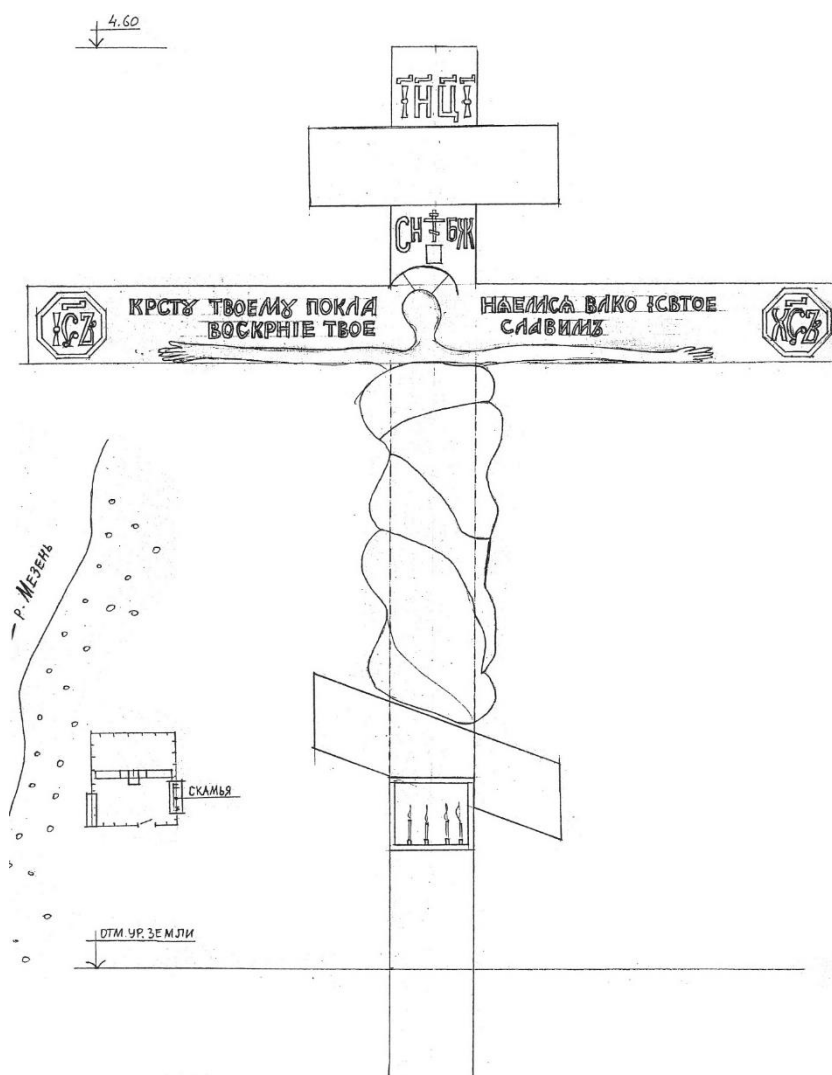

Рис. 7. Крест, с. Кимжа, Мезенский р-н, 1887. Обмеры Н. Подобиной

Уникальный и один из самых интересных сохранившихся крестов Русского Севера – крест из д. Кушкопала Пинежского района (в настоящее время – памятник музея «Малые Корелы»; рис. 8). Его высота – 6,10 м, с подземной частью около 8 м. Ранее крест стоял в двухэтажном амбаре. Лицевая и задняя стороны креста покрыты, как сплошным узором вязью, текстом молитвы – обращением к Богу. Наибольший интерес представляет задняя сторона креста, в центральной части которой вырезан текст пасхальной молитвы. Вероятно, здесь же содержится и датировка памятника, но в этой важной части резьба утрачена. Крест можно датировать серединой – второй половиной XIX в. В основании креста вырезано древо жизни. На боковых гранях с одной стороны – стройное хвойное дерево, с другой стороны – лиственное, где сердцевидные листья образуют пышную крону. Крест выполнен из

лиственницы. Он был перевезен музей в 1978 г. главным хранителем И.В. Даниловым, точнее, спасен от неминуемой гибели. К этому времени амбар, в котором находился крест, был разрушен. Крест лежал на земле, сломанный у основания. По рассказам местных жителей, однажды в этом месте застрял грузовик, и водитель, чтобы вытащить застрявшую машину, привязал ее к тогда еще стоявшему кресту. Крест рухнул, переломившись у основания.

Крест производит очень сильное впечатление, надпись на центральной перекладине: «Крест – хранитель всей вселенной, красота церковная», – отражает сущность и художественные достоинства этого памятника. Это подлинное произведение северного церковного зодчества и образец монументальной резьбы по дереву, сохранивший древнюю символику древа жизни в православной традиции [48].

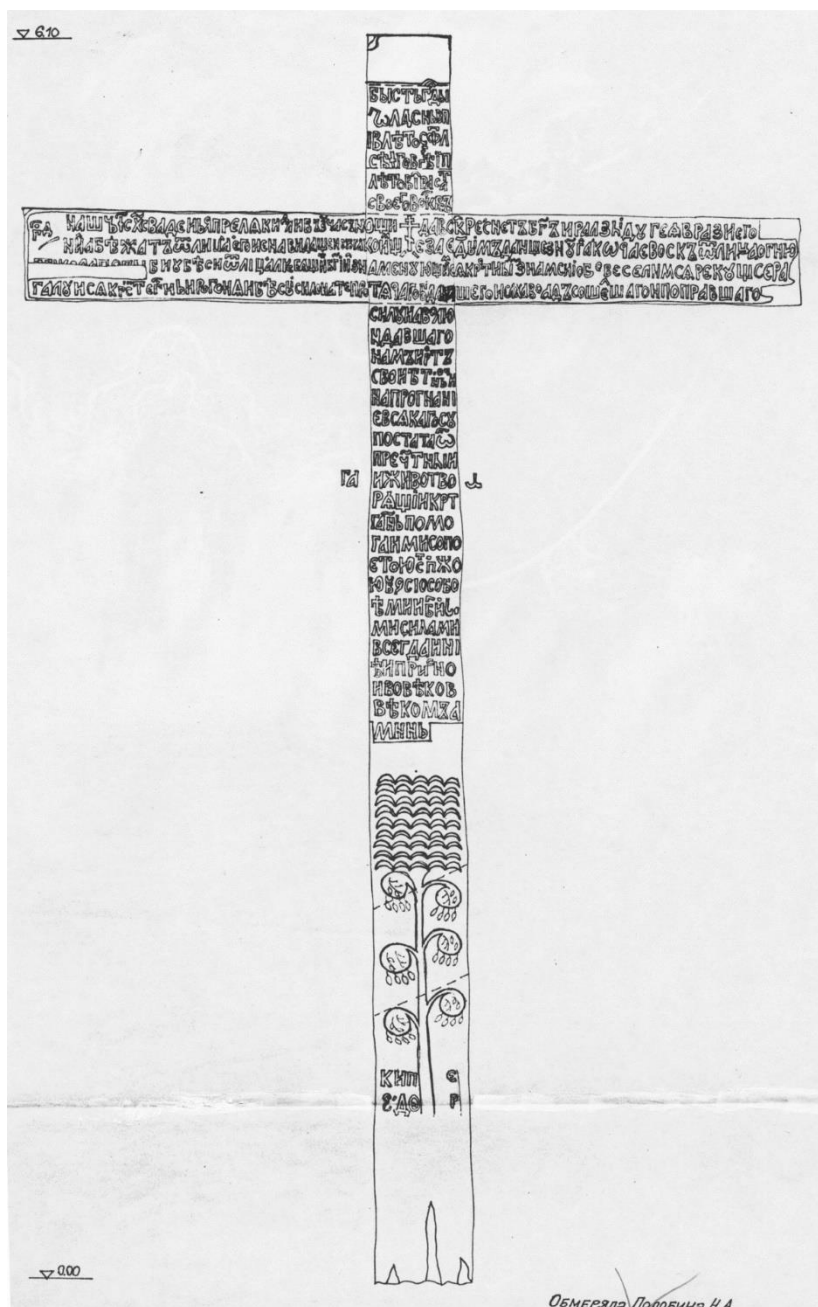

Рис. 8. Крест, д. Кушкопала, Пинежский р-н, конец XIX в. Обмеры Н. Подобиной

Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве, она моделирует «пространство и время, воплощая универсальную концепцию мира. При этом мировое дерево означает ось мира и сам мир» [35. С. 41].

Тожественность значения и образа древа жизни и креста подтверждается многочисленными изображениями в православной архитектуре, скульптуре, иконописи. В качестве примера можно привести кресты с полумесяцем в окружении растительно-геометрического орнамента на куполах русских церквей. Это так называемые «процветшие» кресты, из основания которых произрастают побеги. Они символизируют возрождение жизни – воскресение Христа из мертвых. Крест Господень в православном каноне иногда величают «животворящий», «живоносный сад». Некоторые кресты, щедро усеянные такими побегами, виноградной лозой, солнечными знаками, действительно напоминают цветы в весеннем саду. В ряде случаев северные деревянные кресты имели форму дерева-креста (Людогощинский крест) или символику древа жизни, вырезанную на его поверхности (крест из д. Кушкопола, Пинежский район). Иногда основание креста вырезали из цельного ствола лиственницы (д. Козьмогородская, Мезенский район) [4, 48]. По информации местных жителей, крест в центре д. Едома (Пинежский район; конец XIX в.) был сделан из растущей лиственницы, чем обусловлена его долговечность [12].

Ряд обетных (вотивных) приношений к крестам имеет гендерный характер. Женские и детские предметы (ткань, полотенца, одежда, пелены, куклы, конфеты, детские игрушки) на крестах свидетельствуют об использовании сакрального объекта женской группой. Такие кресты были расположены в поселении или в непосредственной близости от него. Этот обычай касался всех функциональных типов крестов, кроме

промысловых. Кресты, подконтрольные мужской группе, расположены вдали от селений, на островах и морском побережье, они были лишены тканевых и иных приношений [33, 34].

В то же время в эту группу не входят кресты, расположенные в крестьянских усадьбах около дома. По полевым материалам автора, подобные сакральные объекты в мезенских деревнях (Кимжа, Козьмогородская, Кельчемгора и др.), в Поморье (Верхняя и Нижняя Золотица и др.) не имеют обетных даров и стоят без приношений. Данный вопрос требует специального изучения [1].

По мнению академика В.Н. Топорова, «образ Христа обращен к сфере исторического, а сам крест на рубеже двух эпох приобретает черты временного и стадийного перекрестка, пограничного столба в эволюции диалога между человеком и Богом. Именно так и понимался образ Христа на кресте многими христианами авторами» [49. С. 13–14]. Крест показывает место человека в мире. В содержании креста суть – осмысление длящейся во времени жизни и отношение ее к вечности. Архитектурная форма этого выражения была традиционной для многих народов – просто деревянный крест. На Русском Севере крест как один из главных символов православия занимал центральное место в традиционной культуре и ландшафте. В Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссии. Особой группой выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и на островах Белого и Баренцева морей. Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : Правда Севера ; Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.
2. Мильчик М.И. Обетные кресты Мезени // Декоративное искусство. 1974. № 2. С. 7–50.
3. Святославский А.В., Трошин А.А. Крест в русской культуре : очерк русской монументальной ставрографии. М. : Древлехранилище, 2000. 175 с.
4. Пермиловская А.Б. Деревянные кресты Русского Севера // Архитектурное наследие : сб. ст. М. : Стройиздат, 2009. Вып. 50. С. 179–193.
5. Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2001. Кн. I. 382 с.
6. Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2003. Кн. II: Крест в православии. 372 с.
7. Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2005. Кн. III: Крест как личная святость. 700 с.
8. Гуреев Е.М. Поклонные кресты Русского Севера XVI–XVII вв.: обзор отечественной историографии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 11–23.
9. Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
10. Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
11. Петров Д.Д. Обетные кресты Лешуконья // Вестник антропологии. 2015. № 1 (29). С. 50–68.
12. Петров Д.Д. Сакральная география восточных районов Архангельской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 2015. 30 с.
13. Шляпкин И.А. Древние русские кресты. СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1906. 38 с.
14. Сперанский М.Н. Придорожные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на запад // Археологические известия и заметки Московского Археологического о-ва. 1895. № 12. С. 395.
15. Потравнов А.А., Хмельник Т.Ю. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М. : Вече, 2018. 368 с.
16. НПЛ младшего извода. Комиссионный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 103–427.
17. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М. : Наука, 1964. 102 с.
18. Пермиловская А.Б. Уникальные памятники архитектуры в собрании АГМДЗНИ «Малые Корелы». Архангельск : Архангельск. печат. двор, 2001. 31 с.
19. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993. 223 с.
20. Овсянников О.В., Ясински М.О. О деревянных крестах Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Архангельск : Правда Севера, 1995. С. 26–74.

21. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». № 809. Обмерные работы. Обетные кресты Мезенского и Лешуконского районов. 1989.
22. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». № 2376, 2377, 2378, 2379, 2389. Пермиловская А.Б. Паспорта на памятники архитектуры. Деревянные кресты Приморского района. 1989.
23. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Приморский район, д. Верхняя и Нижняя Золотица. 2001. С. 1–8.
24. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в д. Кельчегора Лешуконского района. 2002.
25. Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество : сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1992. С. 51–53.
26. Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М. : Наука, 1988. 240 с.
27. Пермиловская А.Б. Деревянные кресты Русского Севера // Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 236–258.
28. Минаева Т.С. Языческие и христианские традиции поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII – начале XIX вв. // Рябининские чтения – 2015 : материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 95–97.
29. Борисов А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря : Путевые очерки художника А.А. Борисова. СПб. : Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. 104 с.
30. Ушаков И.Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. 1997. № 2. С. 59–62.
31. Рейнеке М.Ф. Гидрографическое описание северного берега России. СПб. : Морская тип., 1843. Ч. 2: Лапландский берег. 363 с.
32. Шергин Б.В. У Архангельского города. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. 286 с.
33. Самойлова Е.В. Группы обетных крестов Белого моря: прогностические и темпоральные аспекты обрядовых практик в с. Щуерцеко Беломорского р-на республики Карелия // Традиционная культура. 2017. № 1. С. 23–37.
34. Филин П.А., Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре Русского Севера // Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 166–198.
35. Фадеева Т.М. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. М. : Новалис, 2004. 256 с.
36. Панченко В.Б. Деревянные поклонные кресты Поволжья. СПб. : Каламос, 2016. 64 с.
37. Панченко В.Б. Памятники неизвестной кресторезной мастерской XVII–XVIII вв. Обетные кресты из Староладожского музея // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 354–367.
38. Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М. : Древлехранилище, 2000. 575 с.
39. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2004.
40. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2005.
41. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2006.
42. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2007.
43. Полевые материалы автора. Информант Клавдия Алексеевна Митькина 1934 г.р., м.п. – с. Кимжа Мезенский район, запись 2007.
44. Полевые материалы автора. Информант Евлалия Михайловна Дерягина 1921 г.р., м.п. – с. Кимжа Мезенский район, запись 2004.
45. Полевые материалы автора. Информант Мишукова Александра Александровны 1932 г.р., м.р. и м.п. – с. Кимжа Мезенский район, запись 2007.
46. Пермиловская А.Б. Строительные традиции и обрядность северного деревянного зодчества // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 150–158. DOI: 10.17223/19988613/58/22
47. Полевые материалы автора. Информант Сафонов Михаил Васильевич 1930 г.р., м.р. и м.п. – с. Кимжа Мезенский район.
48. Permilovskaya A.B. Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century // 20-th Conference of the Association of European Open Museums. Hungary : Szentendre, 2001. P. 116–124.
49. Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1992. Т. 2. 719 с.

Anna B. Permilovskaya, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: annaperm@fciactic.ru

CROSS IN THE TRADITIONAL CULTURE AND LANDSCAPE OF THE RUSSIAN NORTH

Keywords: traditional culture, cultural landscape, wooden cross, Russian North, Arctic.

For about two centuries «the Russian North» is not only the set expression that has incorporated the peculiarities of the Russian mentality, but a concept reflecting meanings important for the national culture. Rural cultural landscape is a system that embraces a settlement, landscape, planning and toponymal structure, folk architecture, as well as ethnos, economic activity, language and spiritual culture. The research determines the place of the cross in traditional culture, settlement, and the landscape of the northern and Arctic territories. The paper is based on archival, museum sources and field materials.

The wooden crosses are typologically classified according to the following groups with regard of their meanings and the role they played: crosses of worship, promise, memorial, lighthouse, commemoration, protective crosses, cemetery, thanksgiving. The location of the wooden crosses could be as follows: in the place of the burnt church, by the roads, near or inside religious buildings, at the spring, outside a village, on a cattle pasture, in a forest, on a river bank, on a hill or a cape, among arable fields, in the peasant estates, at the entrance to the village, at the crossroads, on the seashore.

The research gives examples of the most ancient, famous and revered crosses: Ignach cross (1238), Lyudogoshchinsky cross (1359) – Veliky Novgorod, the cross set up by Peter the Great in the Unskaya Bay on the White Sea coast (1694), the crosses of the Lower Volga region in Staraya Ladoga (XVII – beginning of the XVIII century), and new sacred objects: votive cross in the Zabor, the village of Kimza (1887), cemetery and promise crosses in the village of Kimzha, Mezen (end of the 19th – beginning of the 20th century), a cross in the village of Kushkopala, the Pinezhsky district (mid – second half of the 19th century), the cross of the village of Kozmogorodskaya, the Mezen district (1899), etc.

The cross as one of the main symbols of Orthodoxy occupied a central place in the cultural landscape of the North. In the Arctic, where the Orthodox maritime culture took shape, it reflected the special conditions of life and was the center of the surrounding space, fulfilling a protective and sacred mission in it.

Pomorye crosses set on the coast and islands of the White and Barents Sea make a separate group in the Russian North. The crosses are researched as monuments of architecture, Orthodoxy, objects of ritual practices, seafaring, navigational signs of Pomors, which were put on pilotage maps. It has been determined that votive offerings are gender-based. Female objects on crosses indicate the use of a sacred object by a female group. They were located in the settlement or in the immediate vicinity of it. Crosses controlled by the male group were devoid of cloth and other offerings and located far from villages, on islands or the seacoast.

REFERENCES

1. Permilovskaya, A.B. (2013) *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural meanings of the Russian North folk architecture]. Ekaterinburg: UrB RAS; Arkhangelsk: Pravda Severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
2. Milchik, M.I. (1974) Obetnye kresty Mezeni [Promise crosses of Mezen]. *Dekorativnoe iskusstvo*. 2. p. 50.
3. Svyatoslavsky, A.V. & Troshin, A.A. (2000) *Krest v russkoy kul'ture: Ocherk russkoy monumental'noy stavrografii* [The Cross in Russian Culture: Essay on Russian Monumental Stavrography]. Moscow: Drevlekhranilishche.
4. Permilovskaya, A.B. (2009) Derevyannye kresty Russkogo Severa [Wooden Crosses of the Russian North]. *Arkhiturnoe nasledstvo*. 50. pp. 144–160.
5. Gnutova, S.V. (ed.) (2001) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 1. Moscow: Moscow Patriarchate. Drevlekhranilishche.
6. Gnutova, S.V. (ed.) (2003) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 2. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche.
7. Gnutova, S.V. (ed.) (2005) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 3. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche.
8. Gureev, E.M. (2018) Bow crosses of Russian North of the 16th – 17th centuries. A review of Russian historiography. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History*. 81. pp. 11–13. (In Russian). DOI: 10.15382/sturII201881.11-23
9. Golubkova, O.V. (2009) *Dusha i priroda: Etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov* [Soul and Nature: Ethnocultural Traditions of the Slavs and Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
10. Golubkova, O.V. (2006) Etnokul'turnoe vzaimodeistvie severnykh komi-zyrian i russkikh v sfere sakral'nogo simvolizma [Ethno-cultural interaction of the northern Komi-Zyrians and the Russians in the realm of sacral symbolism]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 101–111.
11. Petrov, D.D. (2015a) Obetnye kresty Leshukon'ya [Votary crosses of Leshukonye]. *Vestnik Antropologii – The Herald of Anthropology*. 1(29). pp. 50–68.
12. Petrov, D.D. (2015b) *Sakral'naya geografiya vostochnykh rayonov Arkhangel'skoy oblasti* [Sacred geography of the eastern regions of Arkhangelsk Region]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
13. Shlyapkin, I.A. (1906) *Drevnie russkie kresty* [Ancient Russian Crosses]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Speransky, M.N. (1895) Pridorozhnye kresty v Chekhii i Moravii i vizantiyskoe vliyaniye na zapad [Roadside crosses in the Czechia and Moravia and the Byzantine influence on the West]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki Moskovskogo Arkheologicheskogo o-va*. 12. pp. 395.
15. Potravnov, A.A. & Khmel'nik, T.Yu. (2018) *Bezmolvnye strazhi proshlogo. Monumental'nye kamennye kresty* [Silent Guardians of the Past: Monumental Stone Crosses]. Moscow: Veche.
16. Russia. (1950) NPL mladshogo izvoda. Komissionnyy spisok [Novgorod First Chronicle of the late izvod. Commission list]. In: Nasonov, A.N. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov*. Moscow; Leningrad: [s.n.]. pp. 103–427.
17. Rybakov, B.A. (1964) *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv.* [Russian dated inscriptions of the 11th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
18. Permilovskaya, A.B. (2001) *Unikal'nye pamyatniki arkhitektury v sobranii AGMDZNI "Malye Korely"* [Unique architectural monuments in the collection of AGMDZNI "Small Korely"]. Arkhangelsk: Arkhangel'sk. pechat. dvor.
19. Terebikhin, N.M. (1993) *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa: religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoy kul'tury* [Sacred geography of Russian North: religious and mythological space of North Russian culture]. Arkhangelsk: Pomor State University.
20. Ovsyannikov, O.V. & Yasinski, M.O. (1995) O derevyannykh krestakh Russkogo Severa [On wooden crosses of the Russian North]. In: Koltsov, T.M. *Reznye ikonostasy i derevyannaya skulptura Russkogo Severa* [Carved Icon-Stands and Wooden Sculpture of the Russian North]. Arkhangelsk: Pravda Severa. pp. 26–74.
21. The Archive of the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely": No. 809. Measurement works. The votive crosses of the Mezensky and Leshukonsky districts.
22. Permilovskaya, A.B. (1989) Pasporta na pamyatniki arkhitektury. Derevyannye kresty Primorskogo rayona [Passports for architectural monuments. Wooden crosses of the Primorsky region]. *The Archive of the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely"*. № 2376. 2377, 2378, 2379, 2389.
23. Permilovskaya, A.B. (2001) Otchet po ekspeditsii v Primorskiy rayon, d. Verkhnyaya i Nizhnyaya Zolotitsa [Report on the expedition to the Primorsky region, the villages of Verkhnyaya and Nizhnyaya Zolotitsa]. *The Archive of the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely"*. pp. 1–8.
24. Permilovskaya, A.B. (2002) Otchet po ekspeditsii v d. Kel'chemgora Leshukonskogo rayona [Report on the expedition to the village of Kel'chemgora, Leshukonsky district]. *The Archive of the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely"*.
25. Orfinsky, V.P. (1992) Narodnoe derevyannoe kul'tovoe zodchestvo Rossiyskogo Severa: istoki razvitiya [Folk wooden religious architecture of the Russian North: the origins of development]. In: Orfinsky, V.P. (ed.) *Narodnoe zodchestvo* [Folk Architecture]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 51–53.
26. Dmitrieva, S.I. (1988) *Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropeyskogo Severa* [Folklore and folk art of the Russians in the European North]. Moscow: Nauka.
27. Permilovskaya, A.B. (2001) Derevyannye kresty Russkogo Severa [Wooden Crosses of the Russian North]. In: Gnutova, S.V. (ed.) (2001) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 1. Moscow: Moscow Patriarchate. Drevlekhranilishche. pp. 236–258.
28. Minaeva, T.S. (2015) Yazycheskie i khristianskie traditsii pomorskikh promyslov na Shpitsbergene v XVIII – nachale XIX vv. [Pagan and Christian traditions of Pomorye crafts on Svalbard in the 18th – early 19th centuries]. *Ryabininskie chteniya – 2015* [The Ryabinin Readings – 2015]. Proc. of the Conference. Petrozavodsk. pp. 95–97.
29. Borisov, A.A. (1907) *U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo morya : Putevye ocherki khudozhnika A.A. Borisova* [At the Samoyed. From Pinega to Kara Sea. Travel essays by the artist A. A. Borisov]. St. Petersburg: A.F. Devrien.
30. Ushakov, I.F. (1997) Kol'skiy krest [The Kola Cross]. *Nauka i biznes na Murmane*. 2. pp. 59–62.
31. Reineke, M.F. (1843) *Gidrograficheskoe opisanie severnogo berega Rossii* [The hydrographic description of the Russian northern coast]. Part Vol. 2. St. Petersburg: Morskaya tip.
32. Shergin, B.V. (1985) *U Arkhangel'skogo goroda* [At the Arkhangelsk]. Arkhangelsk: Severo-Zapad book Publ.
33. Samoylova, E.V. (2017) Groups of votive crosses onshore the White Sea: Predictive and temporal aspects of ritual practices in the village of Shueretskoe of Belomorsk District of the Republic of Karelia. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 1. pp. 23–27. (In Russian).
34. Filin, P.A. & Frizin, N.N. (2001) Krest v promyslovoy kul'ture Russkogo Severa [Cross in the commercial culture of the Russian North]. In: Gnutova, S.V. (ed.) (2001) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 1. Moscow: Moscow Patriarchate. Drevlekhranilishche. pp. 166–198.
35. Fadeeva, T.M. (2004) *Obraz i simvol. Universal'nyy yazyk simvoliki v istorii kul'tury* [Image and symbol. The universal language of symbolism in the history of culture]. Moscow: Novalis.
36. Panchenko, V.B. (2016) *Derevyannye poklonnye kresty Povolkhov'ya* [Worship wooden crosses of Volkhov]. St. Petersburg: Kalamos.
37. Panchenko, V.B. (2016) Pamyatniki neizvestnoy krestoreznoy masterskoy XVII–XVIII vv. Obetnye kresty iz Staroladozhskogo muzeya [Monuments of the unknown cross-cutting workshop of the 17th – 18th centuries. Worship crosses from the Old Ladoga Museum]. In: Musbakhova, V.T. (ed) *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoy Evrazii* [Ladoga in the Context of the History and Archeology of Northern Eurasia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

38. Lavrov, A.S. (2000) *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700–1740 gg.* [Sorcery and Religion in Russia 1700-1740]. Moscow: Drevlekhramilishche.
39. Permilovskaya, A.B. (2004a) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
40. Permilovskaya, A.B. (2005) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
41. Permilovskaya, A.B. (2006) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
42. Permilovskaya, A.B. (2007a) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
43. Permilovskaya, A.B. (2007b) *Polevye materialy avtora. Informant Klavdiya Alekseevna Mit'kina 1934 g.r., m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon, zapis' 2007* [Field data. Informant Klavdiya Alekseevna Mitkina, born 1934, from Kimzha, Mezenskiy District].
44. Permilovskaya, A.B. (2004b) *Polevye materialy avtora. Informant Evlaliya Mikhaylovna Deryagina 1921 g.r., m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon* [Field data. Informant Evlaliya Mikhailovna Deryagina, born 1921, from Kimzha, Mezenskiy District, entry 2004].
45. Permilovskaya, A.B. (2007c) *Polevye materialy avtora. Informant Mishukova Aleksandra Aleksandrovna 1932 g.r., m.r. i m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon* [Field data. Informant Mishukova Alexandra Alexandrovna, born 1932, place of birth and place of residence – Kimzha, Mezenskiy District, entry 2007].
46. Permilovskaya, A.B. (2019) Construction traditions and ritual of the Northern wooden architecture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 150–158. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/58/22.
47. Permilovskaya, A.B. (n.d.) *Polevye materialy avtora. Informant Safonov Mikhail Vasilievich 1930 g.r., m.r. i m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon* [Field data. Informant Mikhail Vasilievich Safonov, born 1930, of birth and place of residence – Kimzha, Mezenskiy District].
48. Permilovskaya, A.B. (2001) Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century. *The 20th Conference of the Association of European Open Museums*. Hungary: Szentendre. pp. 116–124.
49. Toporov, V.N. (1992) Krest [Cross]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: entsiklopediia* [Myths of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovet. entsikl.

\